

— В июле, как обычно, университет и с ним кафедра опустели.

— Я уехал в Ладушкин. Моим напарником по рыбалкам в камышовых зарослях стал Виталик Чмырёв. Рыбаком он оказался заядлым не менее, если не более, чем я. Рыбачил активно, то есть упорно искал рыбу в камышах, предпочитая менять места, а не ожидать, когда рыба сама подойдёт. Обычно ловили мы прямо под станцией или чуть правее, т.е. ближе к Ушаково. Там же на станции, во втором здании, расположенном ближе к заливу, хранили удочки, кеды для хождения по камышам в воде. Чаще всего рыбачили вечером, спускаясь к заливу сразу после работы.

— В выходные, когда рыбачить можно было хоть целый день, мы отправлялись в огромные массивы камышовых зарослей у Лысой горы - километрах в полтора от станции влево, в сторону Ладушкина. Там оперативного простора было гораздо больше, чем под станцией, где камыши росли изолированными, сравнительно узкими, метров 5 - 10 шириной, островками. В районе Лысой горы мы с Виталиком разбредались, часто теряя друг друга так, что даже не докричаться, и встречались лишь к концу рыбалки, хвастая каждый своим уловом. Иногда к нам присоединялся Шагимуратов. Он выбирал в камышах окошко поудобнее и с места обычно не дёргался, пока не закоченеет.

На станции мы с Виталиком с одобрения Аллы Николаевны Суходольской, назначенной после гибели Гаича начальником станции, пытались расшевелить коллектив, активизировать его научную деятельность. Но сначала надо было выяснить, кто на что способен. И мы, не мудрствуя лукаво, составили нечто вроде анкеты, вопросы в которой относились либо просто к основным физическим и математическим понятиям и законам (уравнения Максвелла, эффект Допплера и т.п.), либо к основным геофизическим явлениям и к их интерпретации. Отвечать на вопросы (их было около двадцати) нужно было сразу, в течение часа, без помощи литературы. С этой анкетой мы приставали ко всем инженерам и научным сотрудникам: к Алле Николаевне, Стасику Тихомирову, Юре Шагимуратову, Лене Васильевой, Сашеньке, Тамаре Алексеевой и Лие Силячевской.

Отвечать согласились все. Никто не протестовал, не возмущался - а кто, мол, вы тут такие, чтобы экзамены устраивать? Всем было самим интересно проверить, что же осталось в памяти через год - два после окончания вуза. Процент правильных ответов колебался от 10 до 60, причём лучше других отвечали Стасик, Юра и Сашенька - выпускники ЛГУ (как и Алла Николаевна, кстати). В целом же уровень общефизических и специальных знаний оказался, на наш взгляд, весьма низким, что, впрочем, нам и без анкеты было известно.

Ну, что ж, значит, надо уровень повышать, и мы организовали цикл общеобразовательных семинаров по космической геофизике для сотрудников станции, составили план занятий, по которому каждую неделю кто-либо из сотрудников выступал с докладом на заданную тему. Никто не отлынивал, готовились все добросовестно. Прямо по ходу докладов задавались вопросы с места, завязывались дискуссии, нередко семинары длились по полдня. Уровень дискуссий был, конечно, ниже уровня тех наших обсуждений научных проблем со Славиком и Юрой, но всё же они были несомненно полезны для всех участников, в том числе и для нас самих, хотя обсуждались обычно вопросы, нам с Виталиком вроде бы хорошо известные. Выяснялось, однако, что и сами мы порой не всё до конца понимаем, это стимулировало нас повышать и свой собственный уровень. Так, уча других, мы продолжали учиться сами.

Алла Николаевна всячески поддерживала нашу с Виталиком деятельность по оживлению публики в научном плане, ей очень хотелось, чтобы на станции царил атмосфера полноценного научного учреждения. И мы хотели того же, старались сами и призывали и убеждали остальных, хотя и чувствовали ограниченность возможностей контингента сотрудников станции.

— Вообще в этот период времени я был одержим манией просветительской деятельности, и шло это всё от Славика, бесед и споров с ним и с Юрой на наших семинарах. Беседы и споры теперь были необходимы мне как воздух, они доставляли мне удовольствие и захватывали меня не меньше, чем азартные игры. Тут был и спортивный элемент - кто кого победит-убедит, тут было и познание - людей, мира, себя, тут была и борьба в более высоком смысле, чем в спортивном, - борьба за торжество идеи. Какой? Тогда это ещё только предстояло понять... Конкретных идей было много разных, но какая из них была *главной*? Та, что вела меня в моих действиях? Но что это была за идея? Не она ли движет мной и сейчас (1981 г.), когда я пишу всё это?

— Короче, не было сборища - а собирались в нашем измирановском доме часто, то на одной квартире, то на другой, то праздники, то дни рождения, то ещё чего-нибудь, просто так, по любому поводу, - где я бы не заводил разговоры на темы философии и политики, начиная, впрочем, с литературы или кино, ибо абстрактные рассуждения сами по себе мало кого могут увлечь, во всяком случае ладушкинская публика была не такого сорта. Помимо самой окружающей жизни её живо интересовали, например, кинофильмы, телепередачи, ... да, пожалуй, и всё. Литературой никто особенно не интересовался, читали, конечно, что под руку подвернётся, когда делать нечего. Я же лишь до определённой меры (выпитого спиртного - считает Сашуля) мог развлекаться в компании разговорами на злобы ладушкинской или станционной жизни, меня тянуло поделиться переполнявшими меня впечатлениями о прочитанном, а читал я тогда очень много: Булгаков, Солженицын, Платонов, Зощенко, Бабель, Биленков, Стругацкие, Быков, Можаяв, Лакшин, весь "Новый мир", а ещё и классика - Пушкин, Толстой, Достоевский... Особенно же увлекался после выхода "Мастера и Маргариты" Булгаковым, старые издания которого извлекал из недр "Горьковки" Димуля ("Дьяволиада", "Роковые яйца", в самиздатовском виде - "Собачье сердце"). И чтобы привлечь внимание моих ладушкинских знакомых к этим авторам, я просто зачитывал вслух наиболее впечатляющие места из их произведений.

— Читал я, думаю, неплохо, не зря всё же в десятом классе был победителем городского конкурса декламаторов. Во всяком случае меня слушали, слушали даже подолгу, забыв про рюмки и закуску. После чтения обязательно появлялись чьи-нибудь комментарии, а там, глядишь, и спор-разговор завязался, от прочитанного переходили к политике, философии... Читал я, конечно, и самиздатовские вещи, привозя в Ладушкин всё, что попадало мне в руки в Ленинграде: "Доктор Живаго" Пастернака, "Человек из МИНАПа" Даниэля, все эти открытые письма Раскольникова, Булгакова, Солженицына и прочее.

— А газеты в это время клеймили контрреволюцию в Чехословакии. Точнее, сначала сухо констатировали падение Новотного, какое-то время выжидали, как дела пойдут дела при Дубчеке, а когда они пошли не так, как надо, перешли в яростное наступление. Чувствовалось, что за этим словесным наступлением готовится и кое-что посерьёзнее, а здесь в Ладушкине, вблизи западной границы мы почти наверняка знали, что оно вскоре перейдёт в настоящее танковое, хотя центральная пресса категорически опровергала распространяемые Западом клеветнические слухи о готовящемся якобы советском вторжении в Чехословакию. На фоне этой общей политической ситуации моё чтение не оставляло людей равнодушными, разговоры непременно сводились к событиям в Чехословакии, а если мне казалось, что политический энтузиазм аудитории недостаточно воспалён, я темпераментно читал пушкинского "Сеятеля":

_____ Свободы сеятель пустынный,
_____ Я вышел рано, до звезды;
_____ Рукою чистой и безвинной
_____ В порабощенные бразды
_____ Бросал живительное семя -

_____ Но потерял я только время,
_____ Благие мысли и труды...

_____ Паситесь, мирные народы!
_____ Вас не разбудит чести клич.
_____ К чему стадам дары свободы?
_____ Их должно резать или стричь.
_____ Наследство их из рода в роды
_____ Ярмо с гремушками да бич.

([продолжение следует](#))